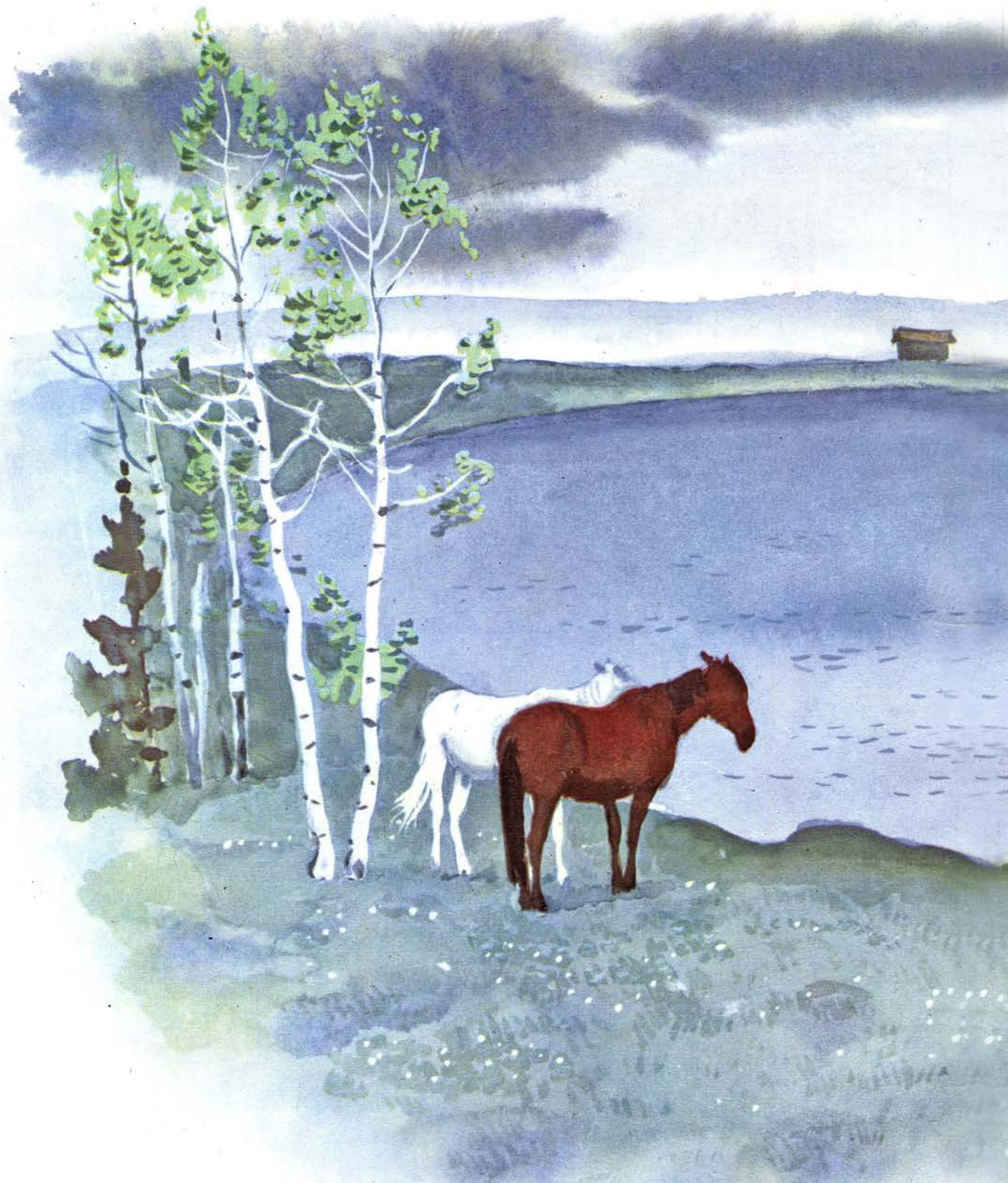

В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В БЕРЁЗОВОЙ РОЩЕ

РАССКАЗЫ

Рисунки
Г. НИКОЛЬСКОГО

СОСТАВИТЕЛЬ В. А. ГАКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „*Детская литература*“ МОСКВА · 1967

З Е М Л Я П О К А З А Л А С Ь

Три дня не было мороза, и туман невидимо работал над снегом.

Петя сказал:

— Выйди, папа, посмотри, послушай, как славно овсянки поют.

Вышел я и послушал, — правда, очень хорошо, и ветерок такой ласковый. Дорога стала совсем рыжая и горбатая.

Казалось, будто кто-то долго бежал за весной, догонял и, наконец, коснулся её, и она остановилась и задумалась... Закричали со всех сторон петухи. Из тумана стали показываться голубые леса.

Петя всмотрелся в редующий туман и, заметив в поле что-то тёмное, крикнул:

— Смотри, земля показалась!

Побежал в дом, и мне было слышно, там он крикнул:

— Лёва, иди скорее смотреть, земля показалась!

Не выдержала и мать, вышла, прикрывая от света ладонью глаза:

— Где земля показалась?

Петя стоял впереди и показывал рукой в снежную даль, как в море Колумб¹, и повторял:

— Земля, земля!

М. М. Пришвин

¹Колумб Христофор — знаменитый мореплаватель, открывший в XV веке Америку.

Г Р А Ч И П Р И Л Е Т Е Л И

Прибавились значительно дни. Ярче, прямее стали солнечные лучи и сильно пригревают в полдень. Потемнела полосами белая пелена снега, и почернели дороги. Вода показалась на улицах. Уже март на исходе и апрель на дворе... Если весна не слишком поздняя, то прилётная птица начинает понемногу показываться.

Грачи, губители высоких старых деревьев, красоты садов и парков, прилетели первые и заняли свои обыкновенные летние квартиры, самые лучшие берёзовые и осиновые рощи, поблизости к селению лежащие, для удобного доставания хлебного корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старые гнёзда новым материалом, ломая для того крепкими беловатыми носами верхние побеги древесных ветвей.

Далеко слышен их громкий, докучный крик, когда ввечеру, после дневных трудов, рассядутся они всем собором, всегда попарно, и как будто начнут совещаться о будущем житье-бытье.

С. Т. Аксаков

П Е Р Е Л Ё Т Н Ы Е П Т И Ц Ы

В марте месяце 1911 года я ехал на пароходе из Египта в Грецию. И нёобычная картина была на пароходе: на корме, заваленной товарами, сидела масса самых разнообразных перелётных птичек. Они кружились в воздухе, порхали над волнами и опять садились на корму, клевали сквозь камышовые решётки упаковочных ящичков пунцовые египетские помидоры. На ночь птички расположились спать на мачтах, реях и бушприте нашего парохода.

Матросы очень любят этих птичек и не позволяют пассажирам их обижать. Я расспрашивал матросов про птичек. Весною их можно видеть только на судах, идущих на север, осенью — на судах, идущих на юг. Вы догадываетесь? Какой тут мог быть инстинкт?¹ Птицы как-то почуяли, каким-то путём поняли: зачем им тратить силы на трудный перелёт через море, когда можно с великолепнейшим комфортом² переплыть море на пароходе? Когда-нибудь, может быть, выработается и инстинкт.

В. В. Вересаев

В Е С Е Н Н И Е Р У Ч Ь И

Три дня дул мокрый ветер, съедая снега. На буграх оголилась чёрными бороздами пашня. В воздухе пахло талым снегом, навозом и скотиной..

Ночью наконец хлынул дождь, ливень, и так застучало в окно и по железной крыше, что Никита проснулся, сел в кровати и слушал улыбаясь.

Чудесен шум ночного дождя. «Спи, спи, спи», — торопливо барабанил он по стёклам, и ветер в темноте порывами рвал тополя перед домом.

Никита перевернул подушку холодной стороной вверх, лёг опять и ворочался под вязаным одеялом, устраиваясь как можно удобнее. «Всё будет ужасно, ужасно хорошо», — думал он и проваливался в мягкие, тёплые облака сна.

К утру дождь прошёл, но небо ещё было в тяжёлых, сырых тучах, летевших с юга на север. Никита взглянул в окно и ахнул. От снега не осталось и следа. Широкий двор был покрыт синими, рябившими под ветром лужами. Через лужи, по измятой бурой траве, тянулась навозная, не вся ещё съеденная дождём дорога. Разбухшие лиловые ветви тополей трепались весело и бойко. С юга между разорванных туч появился и со страшной быстротой летел на усадьбу ослепительный лазурный клочок неба...

¹ Инстинкт — врождённая способность животных к бессознательному совершению разумных действий.

² С комфортом — с удобствами.

Никита распахнул дверь на крыльцо. Весь острый, чистый воздух был полон мягким и сильным шумом падающей воды. Это множество снеговых ручьёв по всем бороздам, канавам и водомоинам бежало в овражки. Полные до краёв овраги гнали вешние воды в реку. Ломая лёд, река выходила из берегов, крутила льдины, выдранные с корнем кусты, шла высоко через плотину и падала в омуты.

Лазурное пятно, летевшее на усадьбу, разорвало, разогнало все тучи, синевато-прохладный свет полился с неба, стали голубыми, без дна, лужи на дворе, обозначились ручьи сверкающими зайчиками, и огромное озеро на полях и текущие овраги снопами света отразили солнце...

Никита пошёл кругом двора посмотреть, что там делается. Всюду бежали ручьи, уходя местами под серые крупитчатые сугробы, — они ухали и садились под ногами. Куда ни сунься — всюду вода: усадьба как остров. Никите удалось пробраться только до кузницы, стоящей на горке. По уже провявшему склону он сбежал к оврагу. Приминая прошлогоднюю траву, струилась, текла снеговая, чистая, пахучая вода. Он зачерпнул её горстью и напился.

Дальше по оврагу ещё лежал снег в жёлтых, в синих пятнах. Вода то прорывала в нём русло, то бежала поверх снега: это называлось «наслус», — не дай бог попасть с лошадьё в эту снеговую кашу. Никита шёл по траве вдоль воды: вот хорошо бы поплыть по этим вешним водам из оврага в овраг, мимо просыхающих вялых берегов, плыть через сверкающие озёра, рябые от весеннего ветра.

На той стороне оврага лежало ровное поле, местами бурое, местами ещё снеговое, всё сверкающее рябью ручьёв...

Никита дошёл до нижнего пруда, куда по жёлтому снегу широкой водной пеленой вливался овраг. Вода покрывала весь лёд на пруду, ходила коротенькими волнами. Налево шумели вётлы, обмякшие, широкие, огромные. Среди голых их сучьев сидели, качаясь, грачи, измокшие за ночь.

А. Н. Толстой

Д Я Т Е Л

Видел дятла: короткий — хвостик ведь у него маленький, летел, насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на берёзу, где у него была мастерская для шелушения шишек. Пробежал вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места. Вдруг видит, что в развилине, где у него заземляются шишки, торчит отработанная и несброшенная шишка и новую шишку некуда девать. И — горе какое! — нечем сбросить старую: клюв-то занят.

Тогда дятел, совсем как человек бы сделал, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, освободил клюв и клювом быстро выбросил старую шишку. Потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживлённый и деловой.

М. М. Пришвин

З Я Б Л И К

Ранняя весна. На полях местами ещё белеет снег, в особенности в лощинах, куда его намело зимою выше роста человеческого. В лесу, под деревьями, снег лежит ещё почти сплошь. Ручьи уже вскрылись и разлились по лугам; через речку ещё ходят, хотя и с большой опаской: лёд порядочно уже посинел, и у берегов выступила вода. Белоносые грачи недели две как приле-

тели, — возвратились из своей зимней отлучки в тёплые края; досыта нассорившись и нашумевши в берёзовой роще (из-за старых, прошлогодних гнёзд), они преважно разгуливают теперь по задворкам, около навозных куч, снискивая¹ себе скудное пропитание. Уже три дня, как появились первые жаворонки, и всё ещё продолжают прилетать по утрам, рассыпая в воздухе, над полями, свои серебристые, веселящие душу трели.

В лесу пока ещё тихо. Правда, синицы да корольки попискивают иногда довольно оживлённо в чаще сосновых и еловых ветвей; изредка побарабанивает дятел по сухому суку; пронесётся временами над вершинами деревьев с гиком и шумом стайка клестов, да золотоголовая овсяночка прозвонит на лесной опушке свою незатейливую песенку. Звонких же, раскатистых песен, далеко разносящихся по лесу и оживляющих его особенным, весенним, оживлением, пока ещё не слышно. Дни стоят хотя и ясные, и довольно тёплые (на солнце), однако по ночам ещё порядочно морозит.

Но вот небо понахмурилось; с юго-запада потянул тёплый, влажный ветерок; заморосил, словно сквозь сито, мелкий дождичек, то оборачиваясь

¹ С н и с к и в а т ь — находить, добывать.

туманом, то снова накрапывая — как днём, так и ночью, — всё одинаково. Будем теперь настороже: в это время, в такие тепло-пасмурные дни, весна приближается быстрыми шагами, и спешат к нам её пернатые, быстрокрылые вестники, с богатым запасом звонких и задорных песен в своей крошечной грудке...

Утро. Дождь перестал моросить. В сыром, слегка туманном воздухе полная тишина и тепло. Пробежусь к опушке леса и присядем вон на том старом пне...

Теперь — слушать и слушать!..

«Чи-чи, чиви-чиви, чим-чим» — доносится издали, с поля, оживленная болтовня нескольких десятков воробьёв. Они обсыпали, словно мухи, большую кучу хвороста около гумна, одиноко стоящего на пригорке... «Тирлирлирлирлюю... тирлирлирлирлююю» — льётся сверху, серебром, песня жаворонка, неподвижной точкой чернеющего на сером фоне туманных облаков... «Чак-чак-чак, чак-чак» — торопливо пронеслась над лесом пара передовых дроздов-рябинников.

Несколько минут полной тишины... Только по вершинам сосен и елей пролетел таинственный шёпот от набежавшего ветерка...

Но чу!.. «Пинь-пинь, пинь-пинь-пинь» — раздалось неподалёку в стороне... Сердце так и ёкнуло: неужто он, долгожданный?! Не синица ли?.. Ведь она, плутовка, иногда точь-в-точь так же «пинькает»...

Нет, не синица: вон, на самой маковке высокой ели, стоящей на опушке, чернеется птичка. «Пиньканье» доносится несомненно оттуда, и птичка сидит неподвижно на одном месте; егоза же синица ни за что не усидела бы так долго на одном месте, да и на вершину она редко когда забирается, и то на секунду-другую, а больше держится по нижним веткам да по кустам...

«Пинь-пинь, пинь-пинь...» Вот птичка снялась с вершины дерева и пролетает неподалёку от нас, описывая в воздухе широкие дуги и издавая от времени до времени нежное, негромкое «йю-йю». Теперь нет уже никакого сомнения, что это — один из передовых зябликов.

«Здравствуй, милая птичка! Радуюсь твоему прилёту!» Вот уж и пропала — юркнула в лес между вершинами... «Фить-фир-лить-фить-фить-фють-фють-фють-фють-ля-ля-ля-ля-ляви-чию!» —

громко раздалось с той стороны, в которой скрылась птичка, и звонко раскатилась по лесу звучная, задорная и красивая песня зяблика-самца (жалкое подобие которой я попытался изобразить выше буквами).

Не пройдёт и двух-трёх дней, как зазвучит эта песня повсюду, в садах, лесах и рощах, и оживит их своими светлыми, как лучи весеннего солнца, звуками после томительно долгой осенней и зимней тишины...

Прилетели зяблики — лес ожил.

Д. Н. Кайгородов

Т Р Я С О Г У З К А

Каждый день мы ждали любимую нашу вестницу весны — трясогузку, и вот наконец и она прилетела и села на дуб и долго сидела, и я понял, что это наша трясогузка, что тут она где-нибудь и жить будет. Я теперь легко узнаю, наша это птичка, будет ли она тут с нами вблизи где-нибудь жить всё лето или полетит дальше, а тут села она лишь отдохнуть. Вот скворец наш, когда прилетел, то нырнул прямо в своё дупло и запел; трясогузка же наша с прилёту прибежала к нам под машину.

Молодая наша собачка Сват стала прилаживаться, как бы её обмануть и схватить.

С передним чёрным галстучком, в светло-сером, отлично натянутом платице, живая, насмешливая, она проходила под самым носом Свата, делая вид, будто не замечает его. Вот он бросается на изящную птичку со всей своей собачьей страстью, но она отлично знает собачью природу и приготовлена к нападению. Она отлетает всего на несколько шагов.

Тогда он, вцеливаясь в неё, опять замирает. А трясогузка глядит

прямо на него, раскачивается на своих тоненьких пружинистых ножках и только что не смеётся вслух, только что не выговаривает:

«Да ты мне, милый, не сват, не брат».

И наступает иногда на Свата прямо рысцой.

Спокойная пожилая Лада, неподвижная, замирала, как на стойке, и наблюдала игру; она не делала ни малейшей попытки вмешиваться. Игра продолжалась и час и больше. Лада следила спокойно, как и мы, за противниками. Когда птичка начинала наступать, Лада переводила свой зоркий глаз на Свата, стараясь понять, поймает он или же птичка опять покажет ему свой длинный хвост.

Ещё забавнее было глядеть на птичку эту, всегда весёлую, всегда дельную, когда снег с песчаного яра над рекой стал сползать. Трясогузка зачем-то бегала по песку возле самой воды. Пробежит и напишет на песке строчку своими тонкими лапками. Бежит назад, а строчка, глядишь, уже под водой. Тогда пишется новая строчка, и так почти непрерывно весь день: вода прибывает и хоронит написанное. Трудно узнать, каких жучков-паучков вылавливала наша трясогузка.

Когда вода стала убывать, песчаный берег снова открылся, на нём была целая рукопись, написанная лапкой трясогузки, но строчки были разной ширины, и вот почему: вода прибывала медленно — и строчки были чаще; вода быстрей — и строчки шире.

Так по этой записи трясогузкиной лапки на мокром песке крутого берега можно было понять, была ли это весна дружная или движение воды ослаблялось морозами.

Очень мне хотелось снять аппаратом птичку-писателя за её работой, но не удалось. Неустанно она работает и в то же время наблюдает меня скрытым глазом. Увидит — и пересаживается подальше без всякого перерыва в работе. Не удавалось мне снять её и в сухих дровах, сложенных на берегу, где она хотела устроить себе гнёздышко. Вот однажды, когда мы за ней охотились безуспешно с фотоаппаратом, пришёл один старичок, засмеялся, глядя на нас, и говорит:

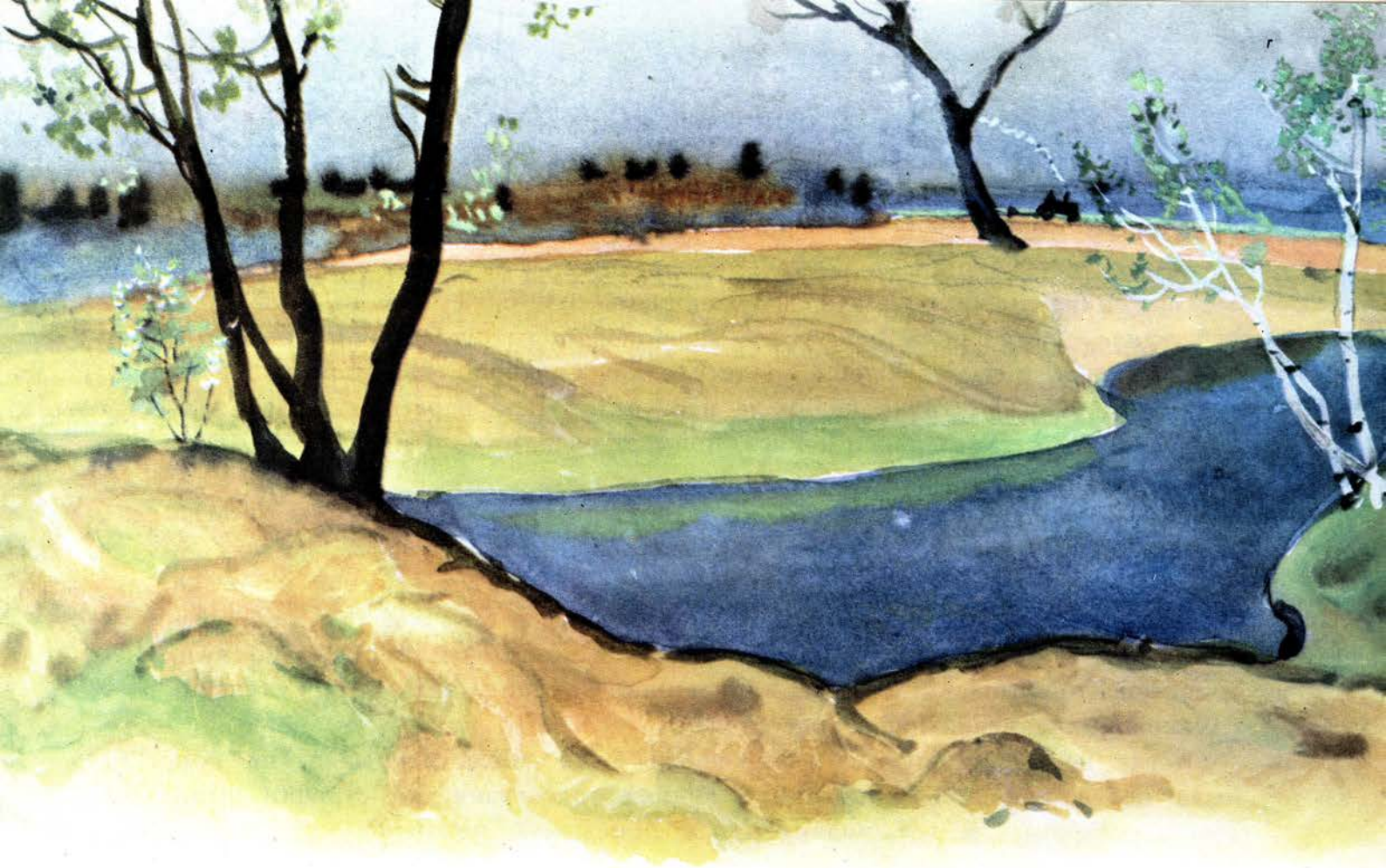
— Эх вы, мальчики, птичку не понимаете!

И велел нам скрыться, присесть за нашим штабелем дров. Не прошло десяти секунд, как любопытная трясогузка прибежала узнать, куда мы делись. Она сидела сверху над нами в двух шагах и трясла своим хвостиком в величайшем изумлении.

— Любопытная она, — сказал старичок, и в этом была вся разгадка.

Мы проделали то же самое несколько раз, приладили, спугнули, присели, навели аппарат на одну веточку, выступающую из поленницы, и не ошиблись: птичка проскакала вдоль всей поленницы и села как раз на эту веточку, а мы её сняли.

М. М. Пришвин

ЗА РАБОТАЛ ТРАКТОР

На том, южном, берегу реки чуть-чуть заметно позеленело, и эта зелень даже отразилась немного у края голубой реки.

Пар от земли наполняет воздух здоровым туманцем, и оттого хвойный зелёный лес за рекой стал голубым...

Заработал трактор, и я легко нашёл его в тускло-жёлтых полосках за рекой. Грачи слетались к трактору совершенно так же, как в былые времена слетались к сохе. Только прежде они не торопились и шли, важно переваливаясь, вслед за сохой. Мне кажется даже, что в прежнее время к пахарю они были даже чуть-чуть снисходительны. Теперь трактор скоро идёт, и червей из-под него много больше, чем было из-под сохи. Надо грачам очень, очень спешить, чтобы черви не спрятались: грачи за трактором не идут, а подлётывают.

Важность свою грачи потеряли, зато пахарь теперь не плетётся в борозде, не ругается поминутно на лошадь, а сидит и, может быть, даже поёт.

М. М. Пришвин

В Е С Н А

На солнце нельзя было теперь взглянуть, — лохматыми ослепительными потоками оно лилось с вышины. По синему-синему небу плыли облака, словно кучи снега. Весенние ветерки пахнули свежей травой и птичьими гнёздами.

Перед домом лопнули большие почки на душистых тополях, на припёке стонали куры. В саду, из разогретой земли, протыкая зелёными кочетками догнивающие листья, лезла трава, весь луг подёрнулся белыми и жёлтыми звездочками. С каждым днём прибывало птиц в саду. Забегали между стволами чёрные дрозды — ловкачи ходить пешком. В липах завелась иволга, большая птица, зелёная, с жёлтой, как золото, подпушкой на крыльях, — суетясь, свистела медовым голосом.

Как солнцу вставать, на всех крышах и скворечниках просыпались, заливались разными голосами скворцы, хрипели, насвистывали то соловьём, то жаворонком, то какими-то африканскими птицами, которых они наслушались за зиму за морем, — пересмешничали, фальшивили ужасно. Сереньким платочком сквозь прозрачные берёзы пролетел дятел; садясь на ствол, оборачивался, дыбом поднимал красный хохолок.

И вот в воскресенье, в солнечное утро, в ещё не просохших от росы деревьях, у пруда закуковала кукушка: печальным, одиноким, нежным голосом благословила всех, кто жил в саду, начиная от червяков:

— Живите, любите, будьте счастливы, ку-ку. А я уж одна проживу, ни при чём, ку-ку...

Весь сад слушал молча кукушку. Божьи коровки, птицы, всегда всем удивлённые лягушки, сидевшие на животе, кто на дорожке, кто на ступеньках балкона, — все загадали судьбу. Кукушка откуковала, и ещё веселее засвистал весь сад, зашумел листьями.

А. Н. Толстой

ЗАРАСТАЮЩАЯ ПОЛЯНА

Лесная поляна. Вышел я, стал под берёзкой... Что делается! Ёлки, одна к другой, так сильно густели — и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так, кругом всей поляны, стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя берёзку. Вся большая поляна была покрыта зелёными бугорками. Это было всё наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мхом. На эти взрытые кротами холмики падало семя и вырастали берёзки, а под берёзкой, под её материнской защитой от мороза и солнца, вырастала тенелюбивая ёлочка. И так

высокие ели, не смея открыто сами выслать своих малышей на полянку, высылали их под покровом берёзок и под их защитой переходили поляну.

Пройдет сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастёт одними ёлками, а берёзы-покровительницы зачахнут в тени.

М. М. Пришвин

БРЯНСКИЕ ЛЕСА

Осенью 1902 года я должен был поступить в подготовительный класс Первой киевской гимназии¹. В ней учился мой средний брат, Вадим. После его рассказов я начал бояться гимназии, иногда даже плакал и просил маму оставить меня дома.

— Неужели ты хочешь быть экстерном? — испуганно спрашивала мама.

Экстернами назывались те мальчики, что учились дома и только каждый год сдавали экзамены при гимназии.

Со слов братьев я хорошо представлял себе кошмарную судьбу этих экстернов. Их нарочно проваливали на экзаменах, всячески издевались над ними, требовали от них гораздо больше знаний, чем от обыкновенных гимназистов. Ниоткуда экстернам не было помощи. Им даже не подсказывали.

Я представлял себе этих истощённых от зубрёжки, заплаканных мальчиков с красными от волнения, оттопыренными ушами. Зрелище было жалкое. Я сдавался и говорил:

— Ну хорошо, я не буду экстерном.

...Отец знал о моих страхах, слезах и волнениях и нашёл, как всегда, неожиданное лекарство от этих бед. Он решил, после лёгкой стычки с мамой, отправить меня одного к моему дяде, маминому брату Николаю Григорьевичу.

...На лето дядя Коля снял дачу около Брянска, в старом, запущенном имении Рёвны, в Брянских лесах, и звал нас всех приехать туда же. Родители согласились. Но они не могли уехать раньше, чем у сестры и братьев окончатся экзамены. Меня послали вперёд одного.

— Пусть привыкает, — сказал отец. — Это полезно для таких стеснительных мальчиков.

Отец написал дяде Коле письмо. Что он в нём писал, я не знаю. Мама, украдкой вытирая слёзы, сложила мне маленький чемодан, где ничего не было забыто и лежала записка со всякими наставлениями.

Мне взяли билет во втором классе до станции Синезёрки. Дядина дача была в десяти верстах от этой станции.

¹ Гимназия — средняя школа в дореволюционной России.

На вокзал меня провожали все. Отец о чём-то поговорил с седоусым проводником и дал ему денег.

— Довезу, как пушинку, — сказал проводник маме. — Не извольте волноваться, сударыня.

Мама попросила соседей по купе присматривать за мной и не позволять мне выходить на станциях. Соседи охотно согласились. Я очень стеснялся и осторожно тянул маму за рукав.

После второго звонка все расцеловали меня...

Все вышли из вагона на платформу. Но мама всё не могла уйти. Она держала меня за руки и говорила:

— Будь хорошим. Слышишь? Будь умным мальчиком. И очень осторожным.

Она смотрела на меня испытующими глазами. Пробил третий звонок. Она обняла меня и быстро, шурша платьем, пошла к выходу. Она соскочила почти на ходу. Отец подхватил её и покачал головой.

Я стоял у закрытого окна, смотрел, как мама впереди всех быстро шла по платформе, и только сейчас увидел, какая она красивая, маленькая, ласковая. Мои слёзы капали на пыльную раму.

Я долго смотрел в окно, хотя уже не видно было ни мамы, ни платформы, а за окном проносились товарные пути, крикливые маневровые паровозы и проплывал, как бы вращаясь, готический новый костел¹ на Васильковской улице. Я боялся оглянуться, чтобы соседи по купе не заметили моих заплаканных глаз. Потом я вспомнил, что дяде Коле послали телеграмму о моём приезде. Лёгкая гордость от того, что обо мне послали настоящую телеграмму, немного успокоила меня...

...Я очень устал от этой своей первой поездки, потому что всю дорогу, кроме ночей, простоял около открытого окна. Но я был счастлив. Я впервые испытывал ту путевую беззаботность, когда ни о чём не надо думать, а только смотреть за окно на ржаные поля, рощи, маленькие станции, где босые бабы продают молоко, на речонки, стрелочников, начальников станций в пыльных красных фуражках, гусей, деревенских ребят, что бегут за поездом и кричат: «Дяденька, кинь копейку!»

Дорога на Брянск была тогда круговая и длинная — через Львов в Навлю. На третий день поезд пришёл в Синезёрки.

Он шёл не торопясь, подолгу стоял на станциях, отдувался около водокачек. Пассажиры выскакивали, бежали за кипятком и в буфет, покупали у баб землянику и жареных цыплят. Потом все успокаивались. Давно было пора ехать, на станции воцарялась сонная тишина, жгло солнце, плыли облака, волоча по земле синюю тень, пассажиры дремали,

¹ Готический костёл — здесь польский храм, украшенный высокими стрельчатыми башенками, скульптурой, каменной резьбой и большими окнами с цветными стёклами.

а поезд всё стоял и стоял. Только паровоз громко вздыхал, и из него капала на песок горячая маслянистая вода.

Наконец из станции выходил толстый обер-кондуктор в парусиновом сюртуке, вытирал усы, прикладывал ко рту свисток и залиvisto свистел. Паровоз не отвечал, всё так же отдуваясь. Тогда обер-кондуктор лениво шёл к паровозу и снова свистел. Паровоз не откликался. Только на третий или четвёртый свисток он, наконец, огрызался коротким недовольным гудком и медленно трогался.

Я высовывался из окна, потому что знал — сейчас же за семафором пойдут откосы, заросшие клевером и колокольчиками, а потом сосновый лес. Когда поезд входил в него, стук колёс делался гораздо громче, его подхватывало эхо, будто по всему лесу начинали стучать молотками весёлые кузнецы.

Я впервые видел Среднюю Россию. Она мне нравилась больше Украины. Она была пустынее, просторнее и глуше. Мне нравились её леса, заросшие дороги, разговоры крестьян...

...В Синезёрки поезд пришёл в сумерки. Проводник вынес мой чемодан на платформу. Я ждал, что меня встретит дядя Коля или его жена, тётя Маруся. Но на платформе никого не было. Мои соседки встревожились.

Поезд стоял в Синезёрках одну минуту. Он ушёл, а я остался около своего чемодана. Я был уверен, что дядя Коля опоздал и сейчас приедет.

Ко мне подошёл, ковыляя, бородатый крестьянин в пиджаке, в чёрном картузе, с кнутом, засунутым за голенище. От него пахло лошадиным потом и сеном.

— Это ты и есть Костик? — спросил он меня. — А я тебя дожидаюсь. Дядя-капитан приказали тебя встретить и доставить в сохранности. Давай сундучок, пойдём.

Это было последнее испытание, приготовленное мне отцом. Он написал дяде Коле, чтобы никто меня не встречал в Синезёрках.

Возница — его звали Никитой, — что-то бормоча о дяде моём, капитане, усадил меня в телегу в мягкое сено, покрытое рядном¹, отвязал торбу с овсом, сел на облучок, и мы поехали.

Сначала мы долго ехали по вечеряющему полю. Потом дорога пошла по взгорью среди лесов. Иногда телега скатывалась на деревянный мост, и под ним блестела чёрная болотная вода. Тянуло сыростью, запахом осоки. За лесами и низкими чащами поднялась багровая мёртвая луна, прогудела вышь, и Никита сказал:

— Наша сторона лесистая, безлюдная. Здесь корья и воды много. Самая это духовитая местность во всей Орловской губернии.

¹ Рядно́ — ткань (холст) из грубой, толстой пряжи, льняной или конопляной.

Мы въехали в сосновый бор, стали спускаться по крутому изволоку к какой-то реке. Сосны закрыли луну, совсем стемнело. На дороге послышались голоса. Мне стало немного страшно.

— Ты, Никита? — крикнул из темноты знакомый дядин голос.

— Тпру-у! — отчаянно закричал Никита, сдерживая лошадей. — Известно, мы! Тпру, леший тебя раздери!

Кто-то схватил меня, снял с телеги, и я увидел в неясном свете заката смеющиеся глаза дяди Коли и белые его зубы. Он поцеловал меня и тотчас передал тётке Марусе.

Она тормозила меня, смеялась своим грудным смехом, и от неё пахло ванилью, — должно быть, она недавно возилась со сладким тестом.

Мы сели на телегу, а Никита пошёл рядом.

Мы проехали старый чёрный мост через чистую, глубокую реку, всю в зарослях, потом второй мост. Под ним тяжело ударила рыба. Наконец телега въехала, зацепившись за каменный столб у ворот в такой тёмный и высокий парк, что казалось, деревья запутались своими вершинами среди звёзд.

В самой гуще парка, под шатрами непроглядных лип, телега остановилась около маленького деревянного дома с освещёнными окнами. Две собаки, белая и чёрная — Мордан и Четвертак, начали лаять на меня и прыгать, стараясь лизнуть в лицо.

Всё лето я прожил в Рёвках, в бывшем потёмкинском поместье, среди дремучих Брянских лесов, рек, кротких орловских крестьян, в старинном и таком обширном парке, что никто не знал, где он кончается и переходит в лес.

Это было последнее лето моего настоящего детства. Потом началась гимназия. Семья наша распалась. Я рано остался один и в последних классах гимназии уже сам зарабатывал на жизнь и чувствовал себя совершенно взрослым.

С этого лета я навсегда и всем сердцем привязался к Средней России. Я не знаю страны, обладающей такой огромной лирической силой и такой трогательно живописной — со всей своей грустью, спокойствием и простором, — как средняя полоса России. Величину этой любви трудно измерить. Каждый знает это по себе. Любишь каждую травинку, пониющую от росы или согретую солнцем, каждую кружку воды из лесного колодца, каждое деревцо над озером, трепещущее в безветрии листьями, каждый крик петуха и каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу.

И если мне хочется жить до ста двадцати лет, как предсказывал дед Нечипор, то только потому, что мало одной жизни, чтобы испытать до конца всё очарование и всю исцеляющую силу нашей русской природы.

Детство кончалось. Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. В детстве всё было другим. Светлыми

и чистыми глазами мы смотрели на мир, и всё нам казалось гораздо более ярким.

Ярче было солнце, сильнее пахли поля, громче был гром, обильнее дожди и выше трава. И шире было человеческое сердце, острее горе, и в тысячу раз загадочнее была земля, родная земля — самое великолепное, что нам дано для жизни. Её мы должны возделывать, беречь и охранять всеми силами своего существа.

К. Г. Паустовский

Б Р А Т И Ш К А

У угла моей дачи стояла кадущка, полная воды. Рядом куст бузины. На бузине сидели бок о бок два молодых воробья, совсем ещё молодых, с пушком, сквозящим из-за перьев, с ярко-жёлтыми пазухами по краям клювов. Один бойко и уверенно перепорхнул на край кадущки и стал пить. Пил и всё поглядывал на другого и перекликался с ним на звенящем своём языке. Другой — чуть поменьше — с серьёзным видом сидел на ветке и опасно косился на кадущку. А пить-то, видимо, хотелось, — клюв был разинут от жары.

И вдруг я ясно увидел: тот, первый, он уже давно напился и просто примером своим ободряет другого, показывает, что ничего тут нет страшного. Он непрерывно прыгал по краю кадущки, опускал клюв, захватывал воду и тотчас ронял её из клюва, и поглядывал на брата, и звал его. Братишка на ветке решился, слетел к кадущке. Но только коснулся лапками сырого, позеленевшего края — и сейчас же испуганно порхнул назад на бузину. А тот опять стал его звать.

И добился наконец. Братишка перелетел на кадущку, неуверенно сел, всё время трепыхая крылышками, и напился. Оба улетели.

В. В. Вересаев

МАТУШКА - СЫРОЕЖКА

Довольно долго в раздумье сидел я на пне в такой тишине, что даже папоротники не шевелились, и, значит, не было в лесу даже никаких сквозных ветерков. Вдруг я почувствовал где-то движение, — тень ли трепыхнувшегося листика где-нибудь на сером широком стволе, или мышка, или гусеница проползла, — даже если и гусеница в такой тишине в лесу проползёт — и это как событие.

Я собрался в себе, прислушался, прицелился и вдруг всё понял: оказалось, это лезла из-под земли сыроежка, большая, белая. Лезла она, конечно, уже давно, уже голова её на свету накрылась красным платочком. Лезла она, накопляя усилие в росте своём, и земля над нею поднималась толчками. Был сейчас такой толчок, и это движение я и заметил.

Сколько же она боролась, напрягалась, пока, наконец, сама земля со всем своим мохом, с ягодами черники сводом не поднялась над нею. Мало того! эта матушка-сыроежка сама поднималась и выводила на свет целое семейство маленьких сыроежек, и одна из них, побольше, даже успела покрыться, тоже как матушка, красным платочком.

М. М. Пришвин

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собой дичь.

Я взглянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой и, весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговей¹.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургенев

КАКАЯ БЫВАЕТ РОСА НА ТРАВЕ

Когда в солнечное утро, летом, пойдёшь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и жёлтым, и красным, и синим. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Л. Н. Толстой

¹ Благоговётъ — относиться к кому-либо с большим уважением, почтением.

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

Повадился вор-воробей

Летати,

Мою конопельку, мою зелёную

Клевати.

(Народная песня)

Подумаешь, за что такая честь? Попал в песню, да ещё вором. Так и народ смотрит на беднягу, как на завязанного вора. Но вор ли действительно воробей — вот вопрос!

Как хотите, но я с этим не согласен. Воробей — честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы, и за это-то его гонят везде, бранят вором и не любят! Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а берёт только своё. Если не верите, узнайте поближе жизнь воробья.

На дворе весна. Капает, течёт с крыш, шумит вода по желобам. Струйки воды бегут по тротуарам. Грязный снег на улицах с каждым часом делается ещё грязнее. Идёт весна! Каждый старается принарядиться в самое лучшее платье для встречи весны. Даже воробьи и те хотят встретить весну попараднее. Всюду ещё снег. Как только побежали по нему первые струйки, как только слились они в первые крошечные лужицы на поверхности грязной улицы, в колеях, пробитых санями, воробьи недолго думая начинают купаться. Им хочется пообчистить своё серенькое платье для встречи весны.

Всмотритесь — ведь это не тот воробей, которого мы видели зимой. У зимнего воробья клюв был жёлтый, а теперь он почернел. Зимой воробей был крайне неуклюж; он ерошил свои перья, чирикал редко, больше всё хмурился, а теперь его не узнаешь.словно он причесался после ванны; пёрышки блестят, лежат плотно, и весь воробей выглядит таким ловким франтом. Говорлив стал просто на удивленье.

Полюбуйтесь, вот он на крыше: хвост поднят кверху, крылышки опущены, с задорным видом поглядывают глазки направо и налево.

Чип! чип! чип! Он скачет, как сорока, вертится, и нет ему покоя целый день. Встретится товарищ, вместе с которым он неделю назад искал мирно крошки хлеба около кухни, — теперь и не подходи близко. Сойдутся два воробья — мигом завяжется драка. Из-за чего они дерутся, не будем разбирать, это их дело.

Весна идёт без остановки; тает снег, бежит вода по улицам; оголилась земля; пробивается молодая, зелёная травка. Глядь — наш воробей уж не один. У него есть подружка, с которой он шныряет по улице, по саду, по дворам: тут съест крошку, там раздобудет зёрнышко. Но главная его забота не в этом.

Он собирает разные редкости: в саду или на лужайке схватит сухую

травинку; около конюшни зацепит конский волос; на скотном дворе подхватит клочок овечьей шерсти; в курятнике поживится пёрышком; из кучи сора вытащит тряпочку, мочалину, бумажку.

Ему всё это нужно, всё это он тащит куда-нибудь в укромный уголок — в карниз дома, в трещину каменной стены, за наличник окна, в дупло дерева, в скворечню или же в гнездо ласточки. И из всех этих редкостей устраивается беспорядочная куча хлама, которую называют воробьиным гнездом.

Пройдёт ещё немного времени, и на этой куче хлама окажется шесть, семь или восемь пёстрых яичек. Серенькая воробьяха усаживается на них, греет их своим маленьким телом день и ночь, а вор-воробей самодовольно чирикает возле неё и поглядывает по сторонам, чтобы стащить, что плохо лежит.

За всё это время, с самого начала весны, нам решительно не за что упрекнуть воробья. Он берёт только то, что выбрасывают, что никому не нужно, но ведь это не воровство.

Посмотрим дальше. Едва оделся лес, не успели ещё прилететь последние вешние птицы, а в гнезде воробья вместо яичек уже сидят пискливые крошечные воробьята.

Тут-то забот отцу и матери! С раннего утра и до позднего вечера снуют они около дома, по огороду, в саду, в ближайших полях и лугах, на дворе, на улице и ищут корму, но только не зёрен. Птенчики их слабы, малы, они не в силах проглотить жёсткое зерно: им нужны те мягкие, сочные червячки, которые ползают по листьям трав и деревьев и поедают их, а червячки эти не что иное, как гусеницы пёстрых, красивых бабочек, мух и жучков. Их-то и отыскивают теперь воробьи. Поймав гусеницу, воробей летит к гнезду, суёт её в рот голодному воробьёнку и снова летит на промысел, да так целый весенний день. А этот день длится часов шестнадцать. Сколько же тысяч гусениц перетаскает пара воробьёв в это время!

Ловлей гусениц занимаются воробьи добрые две-три недели, пока воробьята вырастут и оперятся.

Вот наконец настал желанный день! Детки выросли, оперились, вылетели из гнёздышка. Весёлой кучкой сидят они на заборах, в аллеях садика, между грядок огорода; чирикают без умолку, а как только увидят отца или мать, откроют жёлтые рты, зачирикают ещё пуще — значит, пожалуйста червячка!

Я и до сих пор очень люблю эти дни воробьиной жизни. Хитрые старики заведут воробьят в такое местечко, где они легче всего могут избежать врагов. А для этого нет им лучше притона, как песчаная дорожка в садике, окаймлённая кустами акации. Заведут они туда своих воробьяток, а сами начнут промышлять корм для них. Иногда на одной

дорожке соберётся несколько выводков, и она делается настоящим воробьиным детским садом, а должность воспитателя исполняет один из старших воробьёв — по очереди.

Молодые воробышки беззаботно чирикают, купаются в песке, прыгают по дорожке, а старый воробей усядется на самую высокую ветку акации и зорко смотрит во все стороны; в это время прочие воробьи торопливо таскают гусениц и кормят своих детёнышей.

Воробей-сторож невозмутим; он не бросится даже на самую жирную гусеницу, хотя бы она ползла по самой ближайшей ветке; это самый примерный часовой. Но зато его и слушаются все. Закричит он: «Чр-ррр... чр-ррр!..» — и всё, что беззаботно скакало по дорожке, чиликало и прыгало, с шумом бросается в самую чащу кустов акаций или сирени. В минуту всё смолкнет. Ни звука, ни шелеста. Только часовой сидит на вершине; он закричал, но не пошевелился, он увидел врага и следит за ним.

А этот враг лютый, злой, беспощадный — это ястреб-перепелятник. Давно ещё заметил его воробей, — ещё там, вдали, когда он неслышным полётом вывернулся из-за крайней избы и направился по задворкам. Суший разбойник! Перья серые, не блестящие, в которых лучше всего

укрываться вору, а укрываться он и без того мастер. Он летит около заборов, между деревьев; свернёт вдруг в сторону, взмахнёт кверху и оглянет всё быстро своими жёлтыми глазами.

Горе зазевавшейся птичке! Стрелой налетит на неё разбойник, всадит когти — и пропала бедняга.

Но не таков наш воробей, чтобы поддаться ястребу. Из сотни разных птиц едва ли удастся ему схватить хотя одного воробья.

Умён и осторожен наш плут. Да кроме того, у него есть кума ласточка, востроглазая, быстрокрылая; воробей знает, как она крикнет, если увидит ястреба. Но вот он и сам увидел его. Ястреб ближе, ближе; воробей всё сидит. Воробьята ни гугу, как будто и нет их; а часовой всё сидит на ветке. Заметил его ястребиный глаз, взмахнул лесной разбойник крыльями — раз, два, только бы вот впустить когти, — а воробья уж нет. Камнем упал он в куст акации, а на его месте очутился ястреб. Сидит дурак дураком; вцепились когти в зелёную ветку и замерли. Досада гложет хищника, а ласточки ещё издеваются: «Чивит... чивит...» — и одна за другой подлетают к нему.

Зло смотрят на них и кругом жёлтые глаза: знает ястреб, что тут целая сотня воробьёв сидит в чаще ветвей, да где ж их достать? Встряхнулся и полетел дальше. Если бы он оглянулся назад — на его месте опять сидит часовой-воробей, а на дорожку с шумом высыпала из зелёной листвы целая толпа воробьят.

Недаром я назвал эту аллею воробьиным детским садом. Когда-нибудь присмотритесь к воробьятам в то время, как они только что покинут гнездо. Какие это простаки и дурачки, неловкие, доверчивые, крикливые! И ноги и крылышки ещё плохо служат им. Это такие же увальни, как наши Коли и Мити, когда те только что начинают ходить. Но посмотрите на воробьят три-четыре дня спустя, в их детском саду. Вот они роются на дорожке в песке. Это уже не увальни, не простаки. Чуть раздастся крик их часового — полюбуйтесь, как они ловко шнырнут в кусты, спрячутся там и замолкнут.

В эти немногие дни они лучше нас с вами выучили азбуку воробьиной жизни. Пройдёт ещё несколько дней — старые воробьи и воробьихи научат их всему, что нужно знать образованному воробью. Они выведут их на лужайку и научат ловить жучков, бабочек, гусениц. Они вызовут их из кустов на проезжую дорогу и научат разыскивать хлебные зёрнышки. Они поведут их в сад, в огород, на гумно, покажут им, как там нужно хозяйничать, растолкуют, кого бояться, где прятаться.

Наконец ученье кончено; молодые выросли; их не отличишь от старых. Тогда собирается семейный совет. Старики прощаются с детками и говорят: «Вы теперь большие, живите как хотите, мы всему, вас научили», — и воробьиная семья разлетается врозь.

М. Н. Богданов

Л Е Б Е Д Ь

Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царём всей водяной, или водоплавающей, птицы.

Белый как снег, с блестящими, прозрачными небольшими глазами, с чёрным носом и чёрными лапами, с длинной, гибкою и красивою шею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывёт между зелёных камышей по тёмно-синей, гладкой поверхности воды.

Но и все его движения исполнены прелести: начнёт ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнёт ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся с его пушистого тела; начнёт ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнёт также носом перебирать в нём каждое перо, проветривая и суша его на солнце, — всё живописно и великолепно в нём.

С. Т. Аксаков

И В А Н - Д А - М А Р Ь Я

Поздней осенью бывает иногда совсем как ранней весной: там белый снег, там чёрная земля. Только весной из проталин пахнет землёй, а осенью — снегом. Так непременно бывает: мы привыкаем к снегу зимой, и весной нам пахнет земля, а летом приносиваемся к земле, и поздней осенью пахнет нам снегом.

Редко, бывает, проглянет солнце на какой-нибудь час, но зато какая же это радость! Тогда большое удовольствие доставляет нам какой-нибудь десяток уже замёрзших, но уцелевших от бурь листьев на иве или очень маленький голубой цветок под ногой.

Наклоняюсь к голубому цветку и с удивлением узнаю в нём Ивана: это один Иван остался от прежнего двойного цветка, всем известного Ивана-да-Марья.

По правде говоря, Иван не настоящий цветок. Он сложен из очень мелких кудрявых листиков, и только цвет его фиолетовый, за то его и называют цветком. Настоящий цветок, с пестиками и тычинками, только жёлтая Марья. Это от Марьи упали на эту осеннюю землю семена, чтобы в новом году опять покрыть землю Иванами и Марьями. Дело Марьи много труднее, вот, верно, потому она и опала раньше Ивана.

Но мне нравится, что Иван перенёс морозы и даже заголубел. Проводя глазами голубой цветок поздней осени, я говорю потихоньку:

— Иван, Иван, где теперь твоя Марья?

М. М. Пришвин

С Т А Р Ы Й Г Р И Б

...Вспомнилась мне одна сыроежка в лесу, где я постоянно грибы собираю. Было это под осень, когда берёзки и осинки начинают сыпать на молодые ёлочки вниз золотые и красные пятючки.

День был тёплый и даже паркий, когда грибы лезут из влажной, тёплой земли. В такой день, бывает, ты всё дочиста выберешь, а вскоре за тобой пойдёт другой грибник и тут же, с того самого места, опять собирает: ты берёшь, а грибы всё лезут и лезут.

Вот такой и был теперь грибной, паркий день. Но в этот раз мне с грибами не везло. Набрал я себе в корзину всякую дрянь: сыроежки, красноголовки, подберёзники, а белых грибов нашлось только два. Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за чёрным грибом! Но что делать — по нужде поклонись и сыроежке.

Очень парко было, и от поклонов моих загорелось у меня всё внутри и до смерти пить захотелось. Но не идти же в такой день домой с

одними чёрными грибами! Времени было впереди довольно поискать белых.

Бывают ручейки в наших лесах, от ручейков расходятся лапки, от лапок мочезинки или просто даже потные места. До того мне пить захотелось, что, пожалуй бы, даже и мокрой землицы попробовал. Но ручей был очень далеко, а дождевая туча ещё дальше: до ручья ноги не доведут, до тучи не хватит рук.

И слышу я — где-то за частым ельничком серенькая птичка пищит:

«Пить, пить!»

Это, бывает, перед дождиком серенькая птичка — дождевик — пить просит:

«Пить, пить!»

— Дурочка, — сказал я, — так вот тебя тучка-то и послушается!

Поглядел на небо, и где тут дожждаться дождя: чистое небо над нами, и от земли пар, как в бане.

Что тут делать, как быть?

А птичка тоже по-своему всё пищит:

«Пить, пить!»

Усмехнулся я тут сам себе, что вот какой я старый человек, столько жил, столько видел всего на свете, столько узнал, а тут просто птичка, и у нас с ней одно желание.

— Дай-ка, — сказал я себе, — погляжу на товарища.

Продвинулся я осторожно, бесшумно в частом ельнике, приподнял одну веточку — ну, вот и здравствуйте!

Через это лесное оконце мне открылась поляна в лесу, посередине её две берёзы, под берёзами — пенёк, и рядом с пнём в зелёном брусничнике красная сыроежка, такая огромная, каких в жизни своей я ещё никогда не видел. Она была такая старая, что края её, как это бывает только у сыроежек, завернулись вверх.

И от этого вся сыроежка была в точности как большая глубокая тарелка, притом наполненная водой.

Повеселело у меня на душе.

Вдруг вижу — слетает с берёзы серая птичка, садится на край сыроежки и носиком — тюк! — в воду. И головку вверх, чтобы капля в горло прошла.

«Пить, пить!» — пищит ей другая птичка с берёзы.

Листик там был на воде в тарелке — маленький, сухой, жёлтый. Вот птичка клюнет, вода дрогнет, и листик загуляет. А я-то из оконца вижу всё и радуюсь и не спешу: много ли птичке надо, пусть себе напьётся, нам хватит!

Одна напилась, полетела на берёзу. Другая спустилась и тоже села на край сыроежки. И та, что напилась, сверху ей:

«Пить, пить!»

Вышел я из ельника так тихо, что птички не очень меня испугались, а только перелетели с одной берёзы на другую.

Но пищать они стали не спокойно, как раньше, а с тревогой, и я их так понимал, что одна спрашивала:

«Выпьет?»

Другая отвечала:

«Не выпьет!»

Я так понимал, что они обо мне говорили и о тарелке с лесной водой: одна загадывала — «выпьет», другая спорила — «не выпьет».

— Выпью, выпью! — сказал я им вслух.

Они ещё чаще запищали своё: «Выпьет-выпьет».

Но не так-то легко было мне выпить эту тарелку лесной воды.

Конечно, можно бы очень просто сделать, как делают все, кто не понимает лесной жизни и в лес приходит только, чтобы себе взять чего-нибудь. Такой своим грибным ножиком осторожно подрезал бы сыроежку, поднял к себе, выпил бы воду, а ненужную ему шляпку от старого гриба шмякнул бы тут же о дерево.

Удаль какая!

А по-моему, это просто неумно. Подумайте сами, как мог я это сделать, если из старого гриба на моих глазах напились две птички, и мало ли кто пил без меня, и вот я сам, умирая от жажды, сейчас напьюсь, а после меня опять дождик нальёт, и опять все станут пить. А там дальше созреют в грибе семена-споры, ветер подхватит и рассеет по лесу для будущего...

Видно, делать нечего. Покряхтел я, покряхтел, опустил на свои старые колени и лёг на живот. По нужде, говорю, поклонился я сыроежке.

А птички-то! Птички играют своё:

«Выпьет — не выпьет?»

— Нет уж, товарищи, — сказал я им, — теперь больше не спорьте: теперь я добрался и выпью.

Так это ладно пришлось, что когда я лёг на живот, то мои запёкшиеся губы сошлись как раз с холодными губами гриба. Но только бы хлебнуть — вижу перед собой в золотом кораблике из берё-

зового листа на тонкой своей паутинке спускается в гибкое блюдце паучок. То ли он поплавать захотел, то ли ему надо напиться.

— Сколько же вас тут, желающих! — сказал я ему. — Ну тебя...

И в один дух выпил всю лесную чашу до дна.

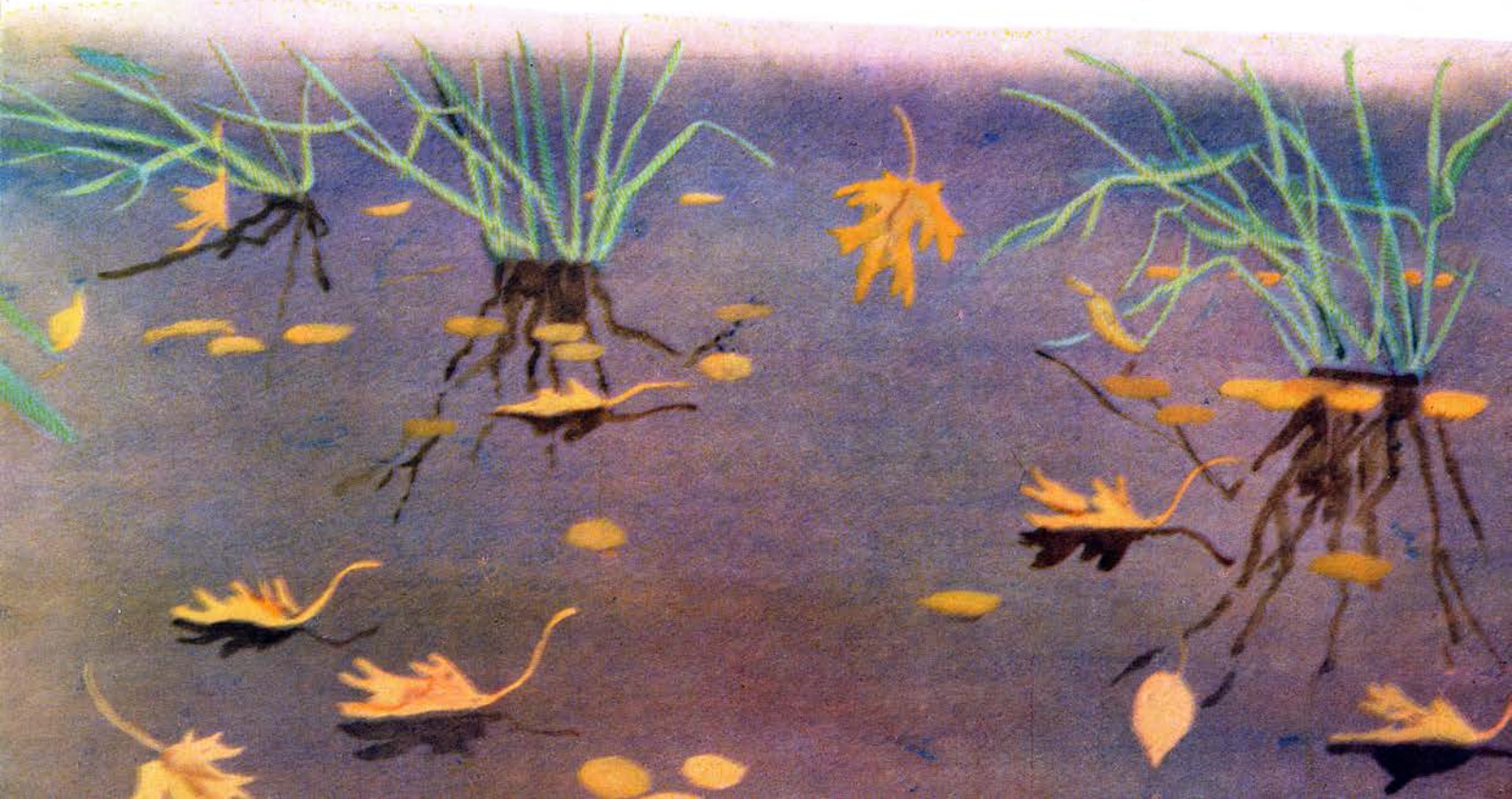
М. М. Пришвин

РАЗНОЦВЕТНЫЕ КОРАБЛИКИ

Сколько разноцветных корабликов сегодня на нашем пруду: жёлтые, красные, оранжевые, — целая флотилия!

Все они прилетели сюда по воздуху. Красиво покачиваясь «на крыльях ветерка», они опускались на воду тихо и плавно — без плеска и без шума. И всё ещё продолжают прилетать новые, — не спеша, спокойно, как бы задумчивые. Прилетит кораблик, опустится на воду и тотчас поплывёт, с поднятыми парусами, — поплывёт так важно, горделиво!

Много ещё прилетит их сегодня, завтра, послезавтра... Большой ещё запас таких корабликов на деревьях, разноцветной стеной окружающих наш красивый пруд. Теперь, пока летят всё больше кленовые: они раньше других пускаются в путь — в своё первое и последнее путешествие. Это — самые парусистые кораблики. Изредка прилетит липовый, ляжет на воду золотым кружком и почти не двигается с места. Рядом с ним опустится кленовый — и сейчас поплывёт. Остроконечные его лопасти дугой загнуты кверху, — ветерок на них и напирает, как на паруса. А какие между ними есть нарядные, просто прелесть!

Вон плывёт целый отряд совсем пунцовых, — так и горят на солнышке! Это всё, должно быть, с того пышного клёна, который красуется вон там, на берегу, разрумянившись на славу...

Все эти цветные кораблики плывут в одну сторону, направляясь в продолговатую бухточку, в конце пруда. Их набралось уже там видимо-невидимо, — пальцем, как говорится, ткнуть некуда.

А что там белеется между ними — какие-то маленькие беленькие лодочки, с широким парусом на носу? Вот и на пруду виднеются несколько таких же лодочек... И как легко скользят они по поверхности воды, ловко обгоняя всех на своём пути! Это всё пёрышки, дугой изогнутые, пушистые пёрышки. Вода к ним не прилипает, вот они и скользят по ней, словно конькобежцы по льду. И какие все чистенькие, свеженькие пёрышки! Откуда они?!

А вон там, на берегу, под кустом раскидистой ивы, приютилось многочисленное семейство уток. Одни из них мирно почивают, спрятав голову под крыло; другие сладко дремлют, положив свой широкий клюв на изогнутый горбом, туго набитый зоб; третьи, тихо покрякивая, занимаются туалетом — чистят, перебирают и приводят в порядок пёрышки. При этом нет-нет да и упадёт одно, другое, третье на землю. Ветерок его подхватит, кувыркром докатит до воды, а потом и пошло оно скользить по пруду белой лодочкой, обгоняя по пути разноцветные кораблики...

Д. Н. Кайгородов

С И Н И Ц Ы

В туманные осенние дни, когда вся природа как бы съёживается, в ожидании скорого прихода суровой гостьи — бабушки-зимы, и когда даже в самое беззаботное сердце прокрадывается какое-то тоскливое чувство, звонкий свист синицы, раздавшийся в опустелом саду, действует на тоскующую душу словно яркий луч солнца, прорвавший густую пелену тумана...

Осенний туманный день и синица — неразлучные спутники. По крайней мере, в моём представлении они всегда тесно связаны между собою. Ещё в детстве, как сейчас помню, выскочишь, бывало, в одной курточке, утром, перед отправлением в школу, на незаделанный ещё на зиму балкон: сыро, туманно, неуютно. С неопавших ещё, потемневших листьев сирени, словно облитых водой, падают на землю крупные капли. Почерневшие от мороза, точно ошпаренные, георгины печально свешивают свои листья и не успевшие ещё доцвести жёлтые и пунцовые головки... Тоскливо так делается на душе: впереди зима, и такая длинная-длинная, что и конца ей, кажется, не предвидится (в детстве ведь время так тянется)...

Вдруг из куста сирени раздаётся весёлое «пинь, пинь, пинь» — «цици-вю,

цици-вю, цици-вю!» — сердце так и встрепенется!.. Тут и сама она, шустрая, живая синичка, перепрыгивает с ветки на ветку... Вечно бодрая, непоседливая, бойко вызванивает стальным своим голоском на разные лады, словно хочет сказать:

— «Цици-фьюить, цици-фьюить» — стоит ли горевать, пока здоров и есть что кушать; да и гореваньем ведь горю не поможешь; и не век ведь будут осень да зима.

Постоишь так, бывало, на балконе, послушаешь синичку, и легко станет на душе, и в школу как-то веселее бежится.

Д. Н. Кайгородов

О С Е Н Ь

Осень, глубокая осень! Серое небо, низкие, тяжёлые, влажные облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и леса. Всё видно насквозь в самой глухой древесной чаще, куда летом не проникал глаз человеческий. Старые деревья давно облетели, и только молодые отдельные берёзки сохраняют ещё свои увядшие желтоватые листья, блистающие золотом, когда тронут их косые лучи невысокого осеннего солнца. Ярко выступают сквозь красноватую сеть берёзовых ветвей вечнозелёные, как будто помолодевшие ели и сосны, освежённые холодным воздухом, мелкими, как пар, дождями и влажными ночными туманами. Устлана земля сухими, разнообразными и разноцветными листьями: мягкими и пухлыми в сырую погоду, так что не слышно шелеста от ног осторожно ступающего охотника, и жёсткими, хрупкими в морозы, так что далеко вскакивают птицы и звери от шороха человеческих шагов. Если тихо в воздухе, то слышны на большом расстоянии осторожные прыжки зайца и белки и всяких лесных зверьков, легко различаемые опытным и чутким ухом зверолова.

Синицы всех родов, не улетающие на зиму, кроме синицы придорожной, которая скрылась уже давно, подоновились к жилью человеческому, особенно синица московка. Звонкий, пронзительный её свист уже часто слышен в доме сквозь затворенные окна. Снегири также выбрались из лесной чащи и появились в садах и огородах, и скрипучее их пенье, не лишённое какой-то приятной мелодии, тихо раздаётся в голых кустах и деревьях.

Ещё не улетевшие дрозды, с чоканьем и визгами собравшись в большие стаи, летают в сады и уремы¹, куда манят их ягоды бузины, жимолости и, ещё более, красные кисти рябины и калины. Любимые ими ягоды черёмухи давно высохли и свалились, но они не пропадут даром: все будут подобраны с земли жадными гостями.

С. Т. Аксаков

¹ У р е м а — мелкий густой лес и кустарник по берегам рек.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Несколько дней лил, не переставая, холодный дождь. В саду шумел мокрый ветер. В четыре часа дня мы уже зажигали керосиновые лампы, и невольно казалось, что лето окончилось навсегда и земля уходит всё дальше и дальше в глухие туманы, в неуютную темень и стужу.

Был конец ноября — самое грустное время в деревне. Кот спал весь день, свернувшись на старом кресле, и вздрагивал во сне, когда тёмная дождевая вода хлестала в окна.

Дороги размыло. По реке несло желтоватую пену, похожую на сбитый белок. Последние птицы спрятались под стрехи¹, и вот уже больше недели, как никто нас не навещал — ни дед Митрий, ни Ваня Малявин, ни лесничий.

Лучше всего было по вечерам. Мы затапливали печи. Шумел огонь, багровые отсветы дрожали на бревенчатых стенах и на старой гравюре — портрете художника Брюллова. Откинувшись в кресле, он смотрел на нас и, казалось, так же как и мы, отложив раскрытую книгу, думал о прочитанном и прислушивался к гудению дождя по тесовой крыше.

Ярко горели лампы, и всё пел и пел свою нехитрую песню медный самовар-инвалид. Как только его вносили в комнату, в ней сразу становилось уютно — может быть, оттого, что стёкла запотевали и не было видно одинокой берёзовой ветки, день и ночь стучавшей в окно.

После чая мы садились у печки и читали. В такие вечера приятнее всего было читать очень длинные и трогательные романы Чарлза Диккенса или перелистывать тяжёлые томы журналов «Нива» и «Живописное обозрение» за старые годы.

По ночам часто плакал во сне Фунтик — маленькая рыжая такса. Приходилось вставать и закутывать его тёплой шерстяной тряпкой. Фунтик благодарил сквозь сон, осторожно лизал руку и, вздохнув, засыпал. Темнота шумела за стенами плеском дождя и ударами ветра, и страшно было подумать о тех, кого, может быть, застигла эта ненастная ночь в непроглядных лесах.

Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и наконец понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют «мёртвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Было только слышно, как посапывает во сне кот.

Я открыл глаза. Белый и ровный свет наполнял комнату. Я встал и подошёл к окну — за стёклами всё было снежно и безмолвно. В туман-

¹Под стреху — под крышу.

ном небе на головокружительной высоте стояла одинокая луна, и вокруг неё переливался желтоватый круг.

Когда же выпал первый снег? Я подошёл к ходикам. Было так светло, что ясно чернели стрелки. Они показывали два часа.

Я уснул в полночь. Значит, за два часа так необыкновенно изменилась земля, за два коротких часа поля, леса и сады заморозила стужа.

Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клёна в саду. Ветка закачалась, с неё посыпался снег. Птица медленно поднялась и улетела, а снег всё сыпался, как стеклянный дождь, падающий с ёлки. Потом снова всё стихло.

Проснулся Рувим. Он долго смотрел за окно, вздохнул и сказал:

— Первый снег очень к лицу земле.

Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту.

А утром всё хрустело вокруг: подмёрзшие дороги, листья на крыльце, чёрные стебли крапивы, торчавшие из-под снега.

К чаю приплёлся в гости дед Митрий и поздравил с первопутком¹.

¹ Первопу́ток — первый зимний путь на санях по первому нарастающему снегу.

— Вот и умылась земля, — сказал он, — снеговой водой из серебряного корыта.

— Откуда ты взял, Митрич, такие слова? — спросил Рувим.

— А нешто не верно? — усмехнулся дед. — Моя мать покойница рассказывала, что в стародавние годы красавицы умывались первым снегом из серебряного кувшина и потому никогда не вяла их красота. Было это ещё до царя Петра, милоч, когда по здешним лесам разбойники купцов разоряли.

Трудно было оставаться дома в первый зимний день. Мы ушли на лесные озёра. Дед проводил нас до опушки. Ему тоже хотелось побыть на озёрах, но «не пушала ломота в костях».

В лесах было торжественно, светло и тихо.

День как будто дремал. С пасмурного высокого неба изредка падали одинокие снежинки. Мы осторожно дышали на них, и они превращались в чистые капли воды, потом мутнели, смерзались и скатывались на землю, как бисер.

Мы бродили по лесам до сумерек, обошли знакомые места. Стаи снегорей сидели, нахохлившись, на засыпанных снегом рябинах.

Мы сорвали несколько гроздей схваченной морозом красной рябины — это была последняя память о лете, об осени.

На маленьком озере — оно называлось Лариным прудом — всегда плавало много ряски. Сейчас вода в озере была очень чёрная, прозрачная, — вся ряска к зиме опустилась на дно.

У берегов выросла стеклянная полоска льда. Лёд был такой прозрачный, что даже вблизи его было трудно заметить. Я увидел в воде у берега стаю плотиц и бросил в них маленький камень. Камень упал на лёд, лёд зазвенел, плотицы, блеснув чешуёй, метнулись в глубину, а на льду остался белый зернистый след от удара. Только поэтому мы и догадались, что у берега уже образовался слой льда. Мы обламывали руками отдельные льдинки. Они хрустели и оставляли на пальцах смешанный запах снега и брусники.

Кое-где на полянах перелетали и жалобно попискивали птицы. Небо над головой было очень светлое, белое, а к горизонту оно густело, и цвет его напоминал свинец. Оттуда шли медленные снеговые тучи.

В лесах становилось всё сумрачнее, всё тише, и наконец пошёл густой снег. Он таял в чёрной воде озера, щекотал лицо, порошил серым дымом леса.

Зима начала хозяйничать над землёй, но мы знали, что под рыхлым снегом, если разгрести его руками, ещё можно найти свежие лесные цветы, знали, что в печках всегда будет трещать огонь, что с нами остались зимовать синицы, и зима показалась нам такой же прекрасной, как лето.

К. Г. Паустовский

С Н Е Г

...Великолепен был вид зимней природы. Мороз выжал влажность из древесных сучьев и стволов, и кусты и деревья, даже камыши и высокие травы опушились блестящим инеем, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая их только холодным блеском алмазных огней.

Красны, ясны и тихи стояли короткие зимние дни, похожие, как две капли воды, один на другой, а как-то невесело, беспокойно становилось на душе, да и народ приуныл. Болезни, безветрие, бесснежие, и впереди бескормица для скота. Как тут не приуныть?

Все молились о снеге, как летом о дожде, и вот, наконец, пошли косички по небу, мороз начал сдавать, померкла ясность синего неба, потянул западный ветер, и пухлая белая туча, незаметно надвигаясь, заволокла со всех сторон горизонт.

Как будто сделав свое дело, ветер опять утих, и благодатный снег начал прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю. Радостно смотрели крестьяне на порхающие в воздухе пушистые снежинки, которые, сначала порхая и кружась, опускались на землю.

Снег начал идти с деревенского раннего обеда, шёл беспрестанно, час от часу гуще и сильнее. Я всегда любил смотреть на тихое падение или опущение снега. Чтобы вполне насладиться этой картиной, я вышел в поле, и чудное зрелище представилось глазам моим: всё безграничное пространство вокруг меня представляло вид снежного потока, будто небеса разверзлись, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной.

Наступали длинные зимние сумерки; падающий снег начинал закрывать все предметы и белым мраком одевал землю.. Я воротился домой, но не в душную комнату, а в сад и с наслаждением ходил по дорожкам, осыпаясь снежными хлопьями. Засветились огоньки в крестьянских избах, и бледные лучи легли поперёк улицы; предметы смешались, утонули в потемневшем воздухе. Я вошёл в дом, но и там долго стоял у окошка, стоял до тех пор, покуда уже нельзя было различить опускающихся снежинок...

С. Т. Аксаков

З А Й Ц Ы

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь — и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Л. Н. Толстой

С К В О Р Ц Ы

Была середина марта. Весна в этом году выдалась ровная, дружная. Изредка выпадали обильные, но короткие дожди. Уже ездили на колёсах по дорогам, покрытым густой грязью. Снег ещё лежал сугробами в глубоких лесах и в тенистых оврагах, но на полях осел, стал рыхлым и тёмным, и из-под него кое-где большими плешинами показалась чёрная, жирная, парившаяся на солнце земля. Берёзовые почки набухли. Барашки на вербах из белых стали жёлтыми, пушистыми и огромными. Зацвела ива. Пчёлы вылетели из ульев за первым взятком. На лесных полянах робко показались первые подснежники.

Мы с нетерпением ждали, когда к нам в сад опять прилетят старые знакомые — скворцы, эти милые, весёлые, общительные птицы, первые перелётные гости, радостные вестники весны. Много сотен вёрст нужно им лететь со своих зимних становищ, с юга Европы, из Малой Азии, из северных областей Африки. Иным придётся сделать побольше трёх тысяч вёрст. Многие пролетят над морями: Средиземным или Чёрным. Сколько приключений и опасностей в пути: дожди, бури, плотные туманы, градовые тучи, хищные птицы, выстрелы жадных охотников. Сколько невероятных усилий должно употребить для такого перелёта маленькое существо, весом около двадцати — двадцати пяти золотников¹. Право, нет сердца у стрелков, уничтожающих птицу во время трудного пути, когда, повинувшись могучему зову природы, она стремится в место, где впервые проклюнулась из яйца и увидела солнечный свет и зелень.

¹ Золотников; золотник — старинная русская мера веса, равная приблизительно 4,25 грамма.

У животных много своей, непонятной людям мудрости. Птицы особенно чутки к переменам погоды и задолго предугадывают их, но часто бывает, что перелётных странников на середине безбрежного моря вдруг застигнет внезапный ураган, нередко со снегом. До берегов далеко, силы ослаблены дальним полётом... Тогда погибает вся стая, за исключением малой частицы наиболее сильных. Счастье для птиц, если встретится им в эти ужасные минуты морское судно. Целой тучей опускаются они на палубу, на рубку, на снасти, на борта, точно веря в опасности свою маленькую жизнь человеку. И суровые моряки никогда не обидят их, не оскорбят их трепетной доверчивости. Морское, прекрасное поверье говорит даже, что неизбежное несчастье грозит тому кораблю, на котором была убита птица, просившая приюта.

Гибельными бывают порою и прибрежные маяки. Маячные сторожа иногда находят по утрам, после туманных ночей, сотни и таже тысячи птичьих трупов на галереях, окружающих фонарь, и на земле, вокруг здания. Истомлённые перелётом, отяжелевшие от морской влаги птицы, достигнув вечером берега, бессознательно стремятся туда, куда их обманчиво манят свет и тепло, и в своём быстром лёте разбиваются грудью о толстое стекло, о железо и камень. Но опытный, старый вожак всегда спасёт от этой беды свою стаю, взяв заранее другое направление. Ударяются также птицы и о телеграфные провода, если почему-нибудь летят низко, особенно ночью и в туман.

Сделав опасную переправу через морскую равнину, скворцы отдыхают целый день и всегда в определённом, излюбленном из года в год месте. Одно такое место мне пришлось как-то видеть в Одессе, весной. Это — дом на углу Преображенской улицы и Соборной площади, против соборного садика. Был этот дом тогда совсем чёрен и точно весь шевелился от великого множества скворцов, обсевших его повсюду: на крыше, на балконах, карнизах, подоконниках, наличниках, оконных козырьках и на лепных украшениях. А провисшие телеграфные и телефонные проволоки были тесно унизаны ими, как большими чёрными чётками¹. Сколько там было оглушительного крика, писка, свиста, трескотни, щебетания и всяческой скворчиной суеты, болтовни и ссоры. Несмотря на недавнюю усталость, они точно не могли спокойно посидеть на месте ни минутки. То и дело сталкивали друг друга, срываясь вверх и вниз, кружились, улетали и опять возвращались. Только старые, опытные, мудрые скворцы сидели в важном одиночестве и степенно чистили клювами пёрышки. Весь тротуар вдоль дома сделался белым, а если неосторожный пешеход, бывало, зазеваётся, то беда грозила его пальто и шляпе.

¹ Чётками; чётки — бусы на шнурке, которые служат в некоторых религиях для подсчёта прочитанных молитв и сделанных поклонов.

Перелёты свои скворцы совершают очень быстро, делая в час иногда до восьмидесяти вёрст. Прилетят на знакомое место рано вечером, подкормятся, чуть подремлют ночь, утром — ещё до зари — лёгкий завтрак, и опять в путь, с двумя-тремя остановками среди дня.

* * *

Итак, мы дождались скворцов. Подправили старые скворечники, покрившиеся от зимних ветров, подвесили новые. Их у нас было три года тому назад только два, в прошлом году пять, а ныне двенадцать. Досадно было немного, что воробьи вообразили, будто эта любезность делается для них, и тотчас же, при первом тепле, заняли скворечники. Удивительная птица этот воробей, и везде он одинаков — на севере Норвегии и на Азорских островах: юркий, плут, воришка, забияка, драчун, сплетник и первейший нахал. Проведёт он всю зиму нахохлившись под застрехой¹ или в глубине густой ели, питаясь тем, что найдёт на дороге, а чуть весна — лезет в чужое гнездо, что поближе к дому, — в скворечье или ласточкино.

А выгонят его, он как ни в чём не бывало... Ерошится, прыгает, блестит глазёнками и кричит на всю вселенную: «Жив, жив, жив! Жив, жив, жив!» Скажите пожалуйста, какое приятное известие для мира!

Наконец девятнадцатого, вечером (было ещё светло), кто-то закричал: «Смотрите — скворцы!»

И правда, они сидели высоко на ветках тополей и, после воробьёв, казались непривычно большими и чересчур чёрными. Мы стали их считать: один, два, пять, десять, пятнадцать... И рядом у соседей, среди прозрачных по-весеннему деревьев, легко покачивались на гибких ветвях эти тёмные неподвижные комочки. В этот вечер у скворцов не было ни шума, ни возни.

Два дня скворцы точно набирались сил и всё навещали и осматривали прошлогодние знакомые места. А потом началось выселение воробьёв. Особенно бурных столкновений между скворцами и воробьями я при этом не замечал. Обыкновенно скворцы по два сидят высоко над скворечниками и, по-видимому, беспечно о чём-то болтают между собою, а сами одним глазом, искоса, пристально поглядывают вниз. Воробью жутко и трудно. Нет-нет — высунет свой острый хитрый нос из круглой дырочки — и назад. Наконец голод, легкомыслие, а может быть, робость дают себя знать. «Слетаю, — думает, — на минутку и сейчас же назад. Авось перехитрю. Авось не заметят». И только успеет отлететь на сажень, как скворец камнем вниз и уже у себя дома. И уже теперь

¹ Под застрехой; застреха — свисающий край крыши.

пришёл конец воробьиному временному хозяйству. Скворцы стерегут гнездо поочередно: один сидит — другой летает по делам. Воробьям никогда до такой уловки не додуматься: ветреная, пустая, несерьёзная птица. И вот, с огорчения, начинаются между воробьями великие побоища, во время которых летят в воздух пух и перья. А скворцы сидят высоко на деревьях да ещё подзадоривают: «Эй ты, черноголовый! Тебе вон того, желтогрудого, во веки веков не осилить». — «Как? Мне? Да я его сейчас!» — «А ну-ка, ну-ка...» И пойдёт свалка. Впрочем, весной все звери и птицы и даже мальчишки дерутся гораздо больше, чем зимой.

Обосновавшись в гнезде, скворец начинает таскать туда всякий строительный вздор: мох, вату, перья, пух, тряпочки, солому, сухие травинки. Гнездо он устраивает очень глубоко для того, чтобы туда не пролезла лапой кошка или не просунула свой длинный хищный клюв ворона. Дальше им не проникнуть: входное отверстие довольно мало, не больше пяти сантиметров в поперечнике.

А тут скоро и земля обсохла, душистые берёзовые почки распустились. Вспахиваются поля, вскапываются и рыхлятся огороды. Сколько выползает на свет разных червяков, гусениц, слизней, жучков и личинок! То-то раздолье! Скворец никогда весной не ищет своей пищи ни в воздухе на лету, как ласточки, ни на дереве, как поползень или дятел. Его корм на земле и в земле. И знаете, сколько истребляет он в течение лета всяких вредных для сада и огорода насекомых, если считать на вес? В тысячу раз больше собственного веса! Зато и проводит он весь свой день в непрерывном движении.

Интересно глядеть, когда он, идя между грядок или вдоль дорожки, охотится за своей добычей. Походка его очень быстра и чуть-чуть неуклюжа, с перевалочкой с боку на бок. Внезапно он останавливается, поворачивается в одну сторону, в другую, склоняет голову то налево, то направо. Быстро клюнет и побежит дальше. И опять, и опять... Чёрная спинка его отликает на солнце металлическим зелёным или фиолетовым цветом, грудь в бурых крапинках. И столько в нём во время этого промысла чего-то делового, суетливого и забавного, что смотришь на него подолгу и невольно улыбаешься.

Лучше всего наблюдать скворца рано утром, до восхода солнца, а для этого надо и вставать пораньше. Впрочем, старинная умная поговорка гласит: «Кто рано встал, тот не потерял». Если вы по утрам, каждый день, будете сидеть тихо, без резких движений где-нибудь в саду или в огороде, то скворцы скоро привыкнут к вам и будут подходить совсем близко. Попробуйте бросать птице червяков или крошки хлеба сначала издали, потом всё уменьшая расстояние. Вы добьётесь того, что через некоторое время скворец будет брать у вас пищу из рук и садиться вам на плечо. А прилетев на будущий год, он очень скоро возобновит

и заключит с вами прежнюю дружбу. Только не обманывайте его доверия. Разница между вами обоими только та, что он маленький, вы большой. Птица же — создание очень умное, наблюдательное; она чрезвычайно памятлива и признательна за всякую доброту.

И настоящую песню скворца надо слушать лишь ранним утром, когда первый розовый свет зари окрасит деревья и вместе с ними скворечники, которые всегда располагаются отверстием на восток. Чуть немного согрелся воздух, а скворцы уже расселись на высоких ветках и начали свой концерт. Я не знаю, право, есть ли у скворца свои собственные мотивы, но вы наслушаетесь в его песне чего угодно чужого. Тут и кусочки соловьиных трелей, и резкое мяуканье иволги, и сладкий свист синички, и среди этих мелодий вдруг раздаются такие звуки, что сидя в одиночестве, не удержишься и рассмеёшься: закудахчет на дереве курица, зашипит нож точильщика, заскрипит дверь, загнусит детская военная труба. И, сделав это неожиданное музыкальное отступление, скворец как ни в чём не бывало, без передышки, продолжает свою весёлую, милую юмористическую песенку. Один мой знакомый скворец (и только один, потому что слышал я его всегда в определённом месте) изумительно верно подражал аисту. Мне так и представлялась эта почтенная белая чернохвостая птица, когда она стоит на одной ноге на краю своего круглого гнезда, на крыше малорусской мазанки, и выбивает звонкую дробь длинным красным клювом. Другие скворцы этой штуки не умели делать.

* * *

В середине мая скворец-мамаша кладёт четыре, пять маленьких, голубоватых, глянцеви́тых яичек и садится на них. Теперь у скворца-папаши прибавилась новая обязанность — развлекать самку по утрам и вечерам своим пением во всё время высидивания, что продолжается около двух недель. И, надо сказать, в этот период он уже не насмешничает и никого не дразнит. Теперь песенка его нежна, проста и чрезвычайно мелодична.

К началу июня уже вылупились птенцы. Птенец скворца есть истинное чудовище, которое состоит целиком из головы, голова же только из огромного, жёлтого по краям, необычайно прожорливого рта. Для заботливых родителей наступило самое хлопотливое время. А тут ещё постоянная боязнь кошек и галок, страшно отлучиться далеко от скворечника.

Но скворцы — хорошие товарищи. Как только галки или вороны повадились кружиться около гнезда — немедленно назначается сторож. Сидит дежурный скворец на маковке самого высокого дерева и, тихонько

посвистывая, зорко смотрит во все стороны. Чуть показались близко хищники, сторож подаёт сигнал, и всё скворечье племя слетается на защиту молодого поколения. Я видел однажды, как все скворцы, гостившие у меня, гнали по крайней мере за версту трёх галок. Что это было за ярое преследование! Скворцы взмывали легко и быстро над галками, падали на них с высоты, разлетались в стороны, опять смыкались и, догоняя галок, снова забирались ввысь для нового удара. Галки казались трусливыми, неуклюжими, грубыми и беспомощными в своём тяжёлом лёте, а скворцы были подобны каким-то сверкающим, прозрачным веретёнам, мелькавшим в воздухе.

Но вот уже конец июля. Однажды вы выходите в сад и прислушиваетесь. Нет скворцов. Вы и не заметили, как маленькие подросли и как они учились летать. Теперь они покинули свои родные жилища и ведут новую жизнь в лесах, на озимых полях, около дальних болот. Там они сбиваются в небольшие стайки и учатся подолгу летать, готовясь к осеннему перелёту. Скоро предстоит молодым первый, великий экзамен, из которого кое-кто и не выйдет живым. Изредка, однако, скворцы возвращаются на минутку к своим покинутым отчим домам. Прилетят, покружатся в воздухе, присядут на ветке около скворечников, легкомысленно просвищут какой-нибудь вновь подхваченный мотив и улетят, сверкая лёгкими крыльями.

Но вот уже завернули первые холода. Пора в путь. По велению могучей природы вожак однажды утром подаёт знак, и воздушная конница, эскадрон за эскадрон, взмывает в воздух и стремительно несётся на юг. До свидания, милые скворцы! Прилетайте весной. Гнёзда вас ждут...

А. И. Куприн

ПРО ОДНОГО МАЛЬЧИКА

ДРОБИНКА

Отец подарил мальчику маленькое дробовое ружьё. Мальчик устроил себе на берегу пруда шалашик и стал ждать уток.

Наконец прилетели два чирка. Селезень был очень красив: весь пёстрый и на ржавой голове две ярко-зелёные полосы. А уточка была серенькая, скромная, только на крыльях у неё блестели зелёные пёрышки.

Когда чирки подплыли к шалашу, мальчик выстрелил. И случилось так, что целился он в красивого селезня, а попал в уточку.

Тогда селезень взвился в небо, дал в воздухе один круг, другой круг, потом вдруг сложил крылья — и камнем полетел вниз. Он упал на берег и, конечно, разбился насмерть.

Мальчик подумал: «Ах, зачем я убил уточку! Вот и селезень не захотел жить без неё».

Мальчик прибежал домой в слезах и стал рассказывать отцу, как он попал в уточку и как селезень тогда нарочно взвился и треснулся об землю.

А отец хорошенько рассмотрел птиц и показал мальчику, что у селезня в голове маленькая ранка.

Значит, селезень не потому упал, что не хотел без подруги жить, а оттого, что ему в голову тоже попала одна дробинка.

ПТИЧЬЯ ПЕСЕНКА

Через год этот мальчик научился хорошо стрелять из своего ружья. Попадал в птиц даже на лету.

Один раз он шёл лесной просекой. Снег только ещё начинал таять. Только что прилетели стайки зябликов.

Зяблики прыгали по голым ветвям деревьев, слетали на проталинки — поискать себе еду. Все они были, как на подбор, красавцы: краснощёкие, лиловогрудые с белыми перевязками на крылышках.

Мальчик знал, что это были самцы: зябличихи прилетят позже, через несколько дней. Зяблики не пеи.

«Не время ещё им петь, — думал мальчик. — Пока не прилетят зябличихи, не услышишь их песен».

Вдруг что-то серое мелькнуло сбоку между деревьями и упало на проталину.

Как ветром сдуло зябликов с просеки. С тревожным пиньканьем и рюмканьем они скрылись в лесу.

А с проталины перед мальчиком взлетел небольшой серый ястреб. В когтях у него был зяблик.

Пока мальчик снимал с плеча ружьё, ястреб повернул и полетел вдоль просеки. Теперь мальчик видел только его спину. И выстрелил в неё.

На миг ястреб остановился в воздухе. Когти его разжались, из них выпорхнул зяблик.

Ястреб мёртвый упал на землю.

Спасённый зяблик взлетел на дерево, отряхнулся, повернулся к мальчику и вдруг запел.

Сперва он будто захлёбывался песней, пел тихо. Потом звонче и звонче. И вдруг оборвал на самой весёлой ноте.

Мальчику очень понравилась песенка. Он подумал: «Ведь это он благодарит меня за то, что я спас его от ястреба».

Мальчик снял шапку и замахал зяблику:

— Не за что, не за что! Лети себе на здоровье.

Зяблик улетел.

Тогда мальчик подобрал застреленного ястреба и побежал домой.

Дома он рассказал отцу, как спас зяблика и как зяблик поблагодарил его звонкой песенкой.

Но отец сказал:

— Всё-то ты выдумываешь. Совсем не для того пел зяблик, чтобы поблагодарить тебя.

— А для чего же? — спросил мальчик.

— Ни для чего. Ушёл из когтей ястреба, вот и запел. Поёт и сам не знает, почему, отчего, для кого он поёт. А что это ты освободил его от ястреба, он даже и не подумал.

ГОЛУБЫЕ ЛЯГУШКИ

Прошёл месяц, снег совсем почти стаял, и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Раз мальчик подошёл к канаве. Лягушки сразу замолчали — бульк-бульк-бульк! — попрыгали в воду.

Канавка была широка. Мальчик не знал, как через неё перебраться. Он стоял и думал: «Из чего бы тут сделать мостик?»

Понемногу из воды стали высываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они начали вылезать из воды. Вылезли и запели.

Их пение нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают; другие крикают вроде уток. А эти только громко урчали, хрипели:

— Тур-лур-лурр!

Мальчик взглянул на них и ахнул от удивления: лягушки были голубые!

До этого ему приходилось видеть много лягушек. Но все они были обыкновенного лягушечьего цвета: серо-буро-коричневые или зелёные. Он даже держал одну зелёную дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти — в канаве — только горлышки раздували, и горлышки у них тоже были красивого светло-голубого цвета.

Мальчик подумал: «Наверно, ещё никто на свете не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их!»

Он живо поймал трёх лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал:

— Смотрите, голубые лягушки!

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трёх лягушек прямо на стол.

Раздался громкий хохот.

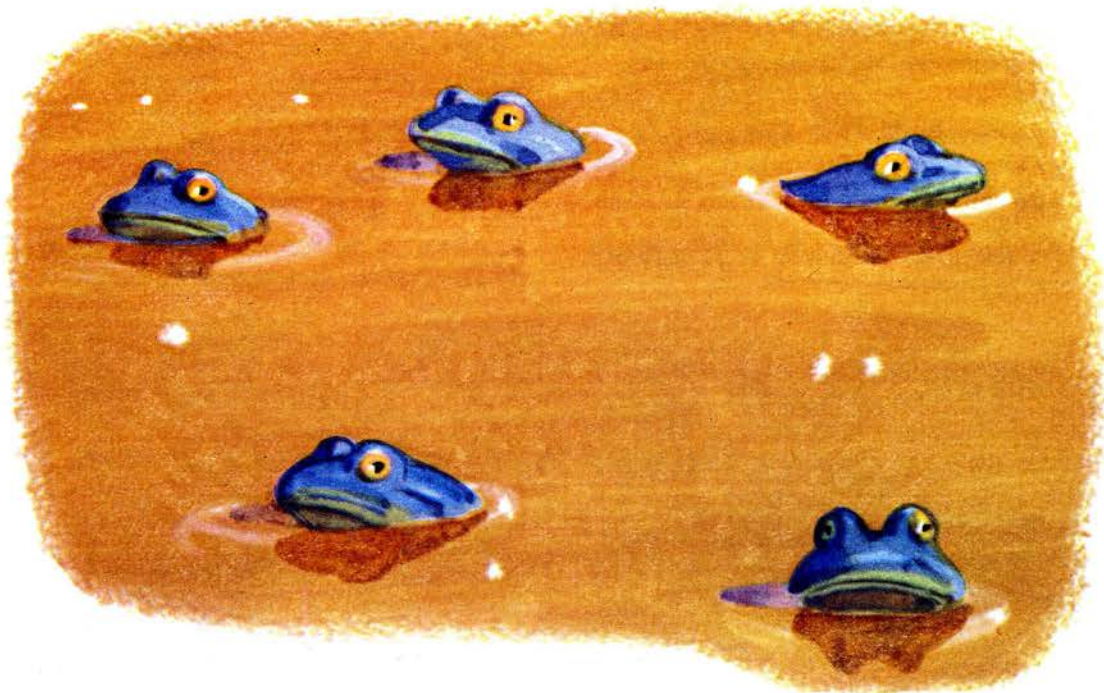
Мальчик глянул на лягушек и раскрыл рот от удивления: все три его лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушечьего цвета — серо-буро-коричневые.

Но отец мальчика сказал:

— Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки, лягушки-турлушки. Они некрасивы. Но когда их освещает весеннее солнце и они поют, они очень хорошеют: становятся нежно-голубого цвета.

Не всякий это видел.

В. В. Бианки

СОДЕРЖАНИЕ

Пришвин М. М. Земля показалась	3	Пришвин М. М. Матушка-Сыро- ежка	20
Аксаков С. Т. Грачи прилетели* ¹ . (Из „Записок ружейного охотника Оренбургской губернии“)	4	Тургенев И. С. Воробей	—
Вересаев В. В. Перелётные птицы*	5	Толстой Л. Н. Какая бывает роса на траве	21
Толстой А. Н. Весенние ручьи. (Из повести „Детство Никиты“)	—	Богданов М. Н. Домашний воробей	22
Пришвин М. М. Дятел	7	Аксаков С. Т. Лебедь. (Из „Запи- сок ружейного охотника Оренбург- ской губернии“)	26
Кайгородов Д. Н. Зяблик. (Отры- вок из рассказа)	8	Пришвин М. М. Иван-да-Марья	27
Пришвин М. М. Трясогузка	10	Пришвин М. М. Старый гриб. (От- рывок из рассказа)	—
Пришвин М. М. Заработал трактор*. (Из рассказа „Воспарение земли“)	12	Кайгородов Д. Н. Разноцветные кораблики*. (Из рассказа „Осенняя картиночка“)	30
Толстой А. Н. Весна. (Из повести „Детство Никиты“)	13	Кайгородов Д. Н. Синицы	31
Пришвин М. М. Зарастающая по- ляна	—	Аксаков С. Т. Осень*. (Из статьи „Несколько слов о раннем, весеннем, и позднем, осеннем, уженье“)	32
Паустовский К. Г. Брянские леса. (Из повести „Далёкие годы“)	14	Паустовский К. Г. Прощание с летом	34
Вересаев В. В. Братишка*	19	Аксаков С. Т. Снег*. (Из „Очерка зимнего дня“)	37
		Толстой Л. Н. Зайцы	38
		Куприн А. И. Скворцы	39
		Бианки В. В. Про одного мальчика	44

¹ Названия, отмеченные звёздочкой, даны составителем сборника.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

Рассказы

Ответственный редактор *А. В. Ясиновская*

Консультант по художественному
оформлению *П. И. Суворов*

Технический редактор *Т. М. Токарева*

Корректоры
Л. И. Дмитрюк и Т. Ф. Юдичева

*

Сдано в набор 25/VI 1966 г. Подписано к
печати 26/VI 1967 г. Формат 60×90¼.
Печ. л. 6. (Уч.-изд. л. 5,06). Тираж 200 000 экз.
ТП 1966 № 154. Цена 39 коп. на бум. № 1.

Издательство „Детская литература“.
Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7. Заказ 3667.

Цена 39 коп.

SHAMANEV
2019